

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — *авторский текст, составление, редакция*

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: [Юрий Рассулин](#), 2020

Свидетельство о публикации №220123001184

Глава 10
Месть врага рода человеческого

14. Деятельность Джунковского против Григория Распутина

Придерживаясь хроники событий, как путеводительной нити, перейдём к внимательному рассмотрению всех обстоятельств, сопутствовавших тому, что произошло в ресторане «Яр». Попробуем также понять откуда исходила информация и оценить степень достоверности этого источника.

Сначала несколько замечаний по поводу рассказа начальника Дворцовой охраны генерала А. И. Спиридовича, цитированного выше. К информации, исходящей от начальника Дворцовой охраны, нельзя относиться с пренебрежением и недоверием. Это уже не слухи или отредактированные кем-то филерские донесения, об этом пишет человек, любящий и Государя, и Государыню, к личности Григория Распутина относящийся без предубеждений и вражды, спокойно, трезво и рассудительно воспринимающий действительность, способный, профессионально подготовленный, деятельный и разумный царский слуга, преданный, исполнительный помощник Государя, занимавший очень ответственный пост. Однако, и Спиридович мог ошибаться в оценке

степени достоверности тех или иных получаемых им сведений. Служебная и профессиональная компетенция генерала Спиридовича складывалась на основе информации, которую он черпал от осведомителей. Однако, в отношении Распутина и он вынужден был считаться с мнением светского общества, составленного по газетным заметкам и циркулировавшим слухам. Он не мог избежать мощного влияния со стороны лиц из круга его повседневного общения. Поэтому тяжёлое обвинение, по существу выдвинутое Спиридовичем в том контексте, который подразумевался общественностью, невозможно принять, не подвергнув его сомнению. Именно так поступили Святые Царственные Стратотерпцы, которые искренне любили и уважали Григория Ефимовича. Проведя своё расследование, Царь с Царицей пришли к иному выводу. Вина старца Григория доказана не была. Попробуем последовать царской логике, чтобы убедиться в их правоте.

Кратко подытожим рассказ Спиридовича. 25 марта на Светлой седмице (Светлое Христово Воскресение в 1915 году пришлось на 22 марта по ст. ст.) Григорий Ефимович Распутин-Новый выехал в Москву. На следующий день 26 марта 1915 г. случился инцидент в ресторане «Яр». В конце марта, по горячим следам произошедшего, градоначальник Москвы Адрианов, прибыв в Петроград, доложил обо всём министру внутренних дел Маклакову и товарищу министра внутренних дел Джунковскому. Маклаков на высочайшем докладе изложил сведения Адрианова Государю Императору. О том, что случилось в Москве в ресторане «Яр» вскоре забыли. Как следует из дневника Государя Императора Николая II за 31 марта 1915 г., на фоне сжатого описания (перечисления) впечатлений дня, доклад Маклакова не вызвал у Государя особых эмоций. Буквально на следующий день Государь виделся со старцем Григорием, причём в присутствии Государыни. По тону изложения не видно, чтобы было какое-то напряжение, всё как обычно, «по-домашнему» (термин, применённый Спиридовичем).

Рассмотрение версии Джунковского о происшествии в ресторане «Яр» в контексте сопутствовавших обстоятельств

Теперь перейдём к изложению событий В. Ф. Джунковским, который ставил перед собой задачу сбора всей полноты информации о Распутине — досье на Распутина. Чтобы сохранить объективность, отнесёмся к личности Владимира Фёдоровича Джунковского, как к ответственному должностному лицу, который, исполнив свой служебный долг перед Царём и Отечеством, оставил для потомства свои мемуары, где скрупулёзно, максимально точно и беспристрастно описал известные ему события. По-иному высокое должностное лицо и верный царский слуга поступить не мог. Вот с таким отношением и приступим к внимательному рассмотрению воспоминаний В. Ф. Джунковского.

Однако, ожидая от Джунковского объективного, честного изложения фактов, читатель сталкивается со слишком заметными неточностями, странностями описания, что называется, «натягами». Для чего Джунковский приводит «некоторые» донесения о Распутине? — очевидно, для иллюстрации своих последующих рассуждений и выводов. Понятно, что приведён не полный перечень донесений, а выборка из совокупности всей первичной информации, которая подобрана Джунковским, исходя из его установок и желаний. Обращают на себя внимание те из донесений, где Распутин представлен в

пьяных компаниях, где пели, пили, громко кричали. Одно из донесений иллюстрирует визит Распутина к проститутке Трегубовой. Далее будут поставлены несколько вопросов, на которых нет ответа, что даёт основания считать донесения Джунковского заготовленным по определённом шаблону строительным материалом для выкладки нужной обвинительной конструкции против Распутина. Вольность в обращении с первичными документами наводит на мысль, что и сами первичные документы являются продуктом слишком вольного отношения к объекту, что развязывало руки для изготовления заказной письменной продукции — того, что в старину называлась «подмётными письмами». Иными словами, первичная документация была сфабрикована определёнными структурами в ведомстве Джунковского.

Составленная подборка первичных донесений призвана психологически настроить читателя и подвести его к основному событию, рисуя облик «Тёмного» — его поведению в ресторане «Яр». Хотя даты донесений не указаны, но судя по всему, они относятся к периоду, предшествовавшему поездке Григория Ефимовича в Москву и посещению ресторана «Яр». При переходе к вдумчивому прочтению текста воспоминаний появляются вопросы.

Вопрос первый. Почему нет донесений о посещении Григорием Распутиным ресторана «Яр», раз уж речь о Распутине ведётся в контексте повествования о событиях в «Яре»? Где донесения о событиях в «Яре»? Их нет. Почему? Разве наблюдения велись только в Петрограде? А в Москве? Из протокола допроса Джунковского в ЧСК следует, что слежка велась во всех местах пребывания Г. Е. Распутина-Нового, в том числе и в Покровском. Тем более, её не могло не быть и в Москве 26 марта 1915 г., тем паче, что Джунковский скрупулезно работал по Распутину, считая его одним из основных угроз престижу Царя и благополучию Российской государственности. При таком подходе к делу со стороны Джунковского предположение, что слежка не распространялась за пределы северной столицы, просто абсурдно. Конечно, слежка была, другое дело, что донесения о посещении «Яра» почему-то не были представлены. Джунковский их утаил. Почему? Ответа на этот вопрос в воспоминаниях Джунковского нет. Отсюда следует, что события, касавшиеся посещения Распутиным ресторана «Яр», изложены в воспоминаниях Джунковского очень туманно, а документальная часть представлена с купюрами, скрывающими существо дела.

Следующий вопрос является продолжением предыдущего. Проведя информационную подготовку, В. Ф. Джунковский переходит к основному событию, ссылаясь на некое «последнее донесение из Москвы», которое, за недостаточностью освящения поведения Распутина в загородном московском ресторане «Яр», побудило Джунковского затребовать от Московского охранного отделения более подробные сведения. Однако само «последнее донесение», сыгравшее столь решающую роль в том, что Джунковский с необыкновенной настойчивостью занялся расследованием происшествия в «Яре», почему-то не приведено в воспоминаниях. Отсюда следует вопрос: где же это «последнее донесение из Москвы»? В воспоминаниях Джунковского его нет. Почему?

Ещё один вопрос. Выделим то место в воспоминаниях Джунковского, где говорится о встревоженности градоначальника Москвы генерал-майора А. А. Адрианова, который для изложения подробностей событий у «Яра» прибыл в Петроград, «кажется»,

как пишет Джунковский, 15-16 мая, чтобы лично сделать доклад Джунковскому о, по словам Джунковского, «возмутительном, непристойном поведении Распутина». «Это, очевидно, встревожило градоначальника Адрианова, — пишет Джунковский, — который приехал ко мне в Петроград, кажется 15 или 16 мая, чтобы лично доложить о поведении Распутина в ресторане «Яр», не решаясь это изложить письменно.»

Просто-напросто не понятно! Как следует из хронологической документальной подборки, Адрианов уже приезжал в конце марта по поводу Распутина. Маклаков на основании его доклада, уже всё рассказал Государю. Что ещё могло обеспокоить Адрианова и побудить его вновь ехать в Петроград? Совершенно очевидно, что Джунковский, как и Спиридович, путается в датах, поскольку из хронологии следует, что Государь принял Маклакова 31 марта, значит, Адрианов прибыл в Петроград между 26 марта и 31 марта, а не 15-16 мая. Начальник дворцовой охраны генерал А. И. Спиридович так излагает подоплёку событий. По данным Спиридовича, министр внутр. дел Маклаков и товарищ министра Джунковский попытались придать делу политическую окраску. Для этого они соответствующим образом настроили градоначальника Москвы, свиты Его Величества генерал-майора А. А. Адрианова, дружившего с Григорием Ефимовичем, и по их совету Адрианов прибыл в Петроград, чтобы лично доложить Государю о случившемся. Но Спиридович и Воейков отговорили Адрианова просить высочайшей аудиенции по этому частному вопросу, полагая, что доклад должны делать либо министр, либо его товарищ, но никак не градоначальник. Маклаков вынужден был сам сделать доклад Государю и даже оставить Его Величеству письменный вариант доклада. Государь обещал Маклакову, что он сам поговорит с Григорием. Казалось бы, на этом инцидент был исчерпан. Если пренебречь путаницей с датами, то картина в целом ясна. Рассмотренные события относятся к марту, а не к маю. Ясно одно, Адрианов приезжал в Петроград и сделал доклад Джунковскому по поводу Распутина. Вопрос в том, случайна ли эта путаница в воспоминаниях Джунковского?

Далее продолжаем ставить вопросы. Почему в воспоминаниях Джунковского не нашлось места подробностям докладов Адрианова Джунковскому и Маклакову Николаю II? Доклад Адрианова не представлен даже в кратком изложении, хотя бы в основных смысловых моментах, а о докладе Маклакова вообще не упомянуто. Поэтому остаётся неизвестным, что именно желал донести Джунковскому Адрианов, что побудило Адрианова приехать из Москвы в Петроград, более того, просить высочайшей аудиенции, чтобы лично изложить сведения и, по-видимому, свои мысли Императору — из воспоминаний Джунковского всё это не становится известным. Вообще личность Адрианова выносится за скобку в воспоминаниях Джунковского, места его мнению нет. Зато есть очень нелестная оценка, данная Джунковским Адрианову: «Такое малодушие с его стороны меня крайне неприятно поразило».

Тем не менее, вполне естественно предположить, что причина появления Адрианова в Петрограде была очень веская, не мог же градоначальник Москвы генерал-майор Адрианов приехать лично только затем, чтобы просто изложить подробности «возмутительного, непристойного поведения». По всей видимости, Адрианов хотел хотя бы оправдаться, но, что ещё более правдоподобно, он хотел высказать свои особые соображения по этому поводу, аргументировать свою позицию лично, и считал это очень важным, почему и отправился сам в Петроград к Маклакову, Джунковскому и Царю. Но

вот в чём именно оправдаться хотел Адрианов и какие именно соображения хотел он высказать Адрианов, Джунковский не раскрывает. Снова туман.

Передача Джунковским смысла доклада Адрианова важна ещё и потому, что наряду с «донесением из Москвы» (не раскрытым Джунковским) именно доклад Адрианова явился для Джунковского первоисточником событий, что следует из его воспоминаний. У Джунковского нет ни того, ни другого. Но если не полностью текст, то хотя бы смысловая передача содержания доклада Адрианова должна быть представлена, но её нет у Джунковского.

Согласно хронике событий, прошла не неделя, как пишет Джунковский, даже не две недели, а почти два месяца, прежде чем Джунковский получил первичные донесения о происшествии в «Яре». Всю неопределённость ситуации и все недочёты оперативной работы, одним словом, весь туман положения с донесениями о происшествии в ресторане «Яр», Джунковский легко списывает на боязнь других ответственных лиц «возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана».

Как это можно понимать? Адрианов из боязни изъял или даже уничтожил полицейские протоколы? Но это невозможно для царского офицера, генерала, человека чести, ответственного лица! Тем более, что Адрианов через два месяца всё же предоставил рапорт пристава Семёнова. Джунковский переводит стрелку на Адрианова, и тем самым, уводит читателя от ответа на закономерный вопрос о том, где донесения подчинённых непосредственно ему, Джунковскому, филеров? Как же получилось, что их нет? Об этом Владимир Фёдорович почему-то умалчивает в своих воспоминаниях!

Речь Адрианова не удовлетворила Джунковского, но и в письменном донесении Адрианов не добавил ничего нового, видимо, считая, что письменно изложенное мнение не найдёт должного понимания, если разговор с глазу на глаз не дал результата. Адрианов ограничился лишь тем, что прислал рапорт пристава Семёнова, который, получается, и являлся единственным официальным первоисточником. Других не было, если не брать во внимание балаганные сообщения бульварных газет.

Присланный Адриановым рапорт Семёнова также не удовлетворил Джунковского и он 31 мая послал по телеграфу депешу начальнику Московского охранного отделения полковнику А. П. Мартынову с приказанием предоставить сведения о происшествии в «Яре» с участием Распутина. 5 июня полковником Мартыновым было отправлено Джунковскому донесение, которое точь-в-точь повторяло рапорт Семёнова. Если в рапорте Семёнова отсутствовала и дата, и подпись, то рапорт Мартынова датирован 5 июня 1915 г. Это по сути единственное их отличие. Через два дня, 7 июня 1915 г., Мартынов отправил второе донесение. Рапорты Мартынова были отправлены по прошествии более двух месяцев с момента происшествия!

Вот так и тянулось это дело. Но причина была не в Адрианове, как пытается представить Джунковский, а нём самом, в Джунковском. Адрианов среагировал быстро и оперативно, представил все объяснения по горячим следам. Но объяснения Адрианова не удовлетворили Джунковского. Ему нужно было не оправдание, а осуждение, более того, придание делу «политического значения». Джунковский был заинтересован именно в таком обороте дела.

На основе проведённого анализа дневников наружного наблюдения к аналогичным выводам приходит О. А. Платонов. Он справедливо подмечает тот странный факт, что,

согласно полицейским отчётам, после отъезда Григория Ефимовича в Москву (25 марта) наблюдение с момента выезда было прервано и вновь установлено только 27 марта. Напомним, что события в «Яре» произошли как раз 26 марта, но именно этот день выпал из поля зрения полицейских агентов (филлеров). Либо... этот день, вернее, полицейские отчёты за этот день были просто изъяты или уничтожены. Адрианов к наблюдению за Распутиным не имел никакого отношения, поэтому первичные донесения были уничтожены не им. Если отчётов за 26 число не было, получается, что информация о поведении Григория Распутина в ресторане «Яр», представленная в донесении полковника Мартынова товарищу мин. вн. дел В. Ф. Джунковскому, не только была сфабрикована задним числом (донесение Мартынова датировано только 5 июнем, т. е. написано по прошествии двух с половиной месяцев), но и не могла быть основана на данных полицейских агентов, поскольку наблюдение в момент инцидента отсутствовало. Если же донесения были уничтожены, возникает естественный вопрос: по чьему распоряжению, зачем и почему? Не потому ли, что содержание донесений не соответствовало принятой версии, которую проталкивал Джунковский? Да и распоряжение об отмене наблюдений могло быть отдано только том должностным лицом, по чьему приказанию это наблюдение было установлено, т. е. Джунковским.

Ни одно из указанных в донесении лиц не было допрошено. Как пишет Платонов: «Ни показаний свидетелей, ни протоколов допросов. <...> Дело, ещё не расследованное, предаётся широкой огласке в печати, обрастая там массой ещё более фальшивых и неприличных подробностей, которых мы приводить здесь не будем». [355]

Как следует из воспоминаний В. Ф. Джунковского и протокола его допроса в ЧСК, он очень внимательно и скрупулёзно относился к делу о происшествии в ресторане «Яр», интересовался всеми деталями, фиксировал их, стараясь представить цельную картину произошедшего. Но получается, что картина далека от цельного образа, сплошные информационные изъяны и нестыковки!

Описание поведения Распутина приставом Семёновым, повторенное полковником Мартыновым, никак не согласуется с тем, что известно по другим источникам о поведении Григория Ефимовича Распутина-Нового, даже в компаниях, где было выпито вино, (исторические свидетельства А. А. Танеевой-Вырубовой, М. Г. Соловьёвой-Распутиной, М. Е. Головиной, письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны).

Известно, что Государыня вышивала и дарила Григорию Ефимовичу рубашки, но в доступных источниках нет упоминаний о том, что Государыня вышивала для него кафтаны.

Григорий Ефимович никогда не позволял себе вольно высказываться в адрес Царя и Царицы, что подтверждает, например, начальник дворцовой охраны генерал А. И. Спиридович, а также князь Н. Д. Жевахов в своих воспоминаниях.

Внесём и мы маленькую лепту в анализ ситуации, а для этого зададим два вопроса. Во-первых, кто оплачивал «пирушку»? Согласно рапорта пристава Семёнова, платила «молодая женщина». Однако из сведений, предоставленных Мартыновым относительно личностей Соедова и Кугульского, следует, что мероприятие оплачивал другой человек, а именно Кугульский. Таким образом, согласно информации полковника Мартынова,

«пирушку» оплачивал Кугульский, тогда как в рапорте полковника Семёнова — платила «молодая женщина»? Нестыковка.

Также остаётся непонятным вопрос с присутствием А. И. Решетниковой. Кто она такая: вдова почётного гражданина Анисья Ивановна или, как считают современные исследователи, её дочь, Анна Ивановна — разные возрастные категории? Ответы на эти вопросы невозможно найти в воспоминаниях Джунковского.

На фоне расплывчатой неопределённости и путаницы поразительно, насколько подробно и быстро собрана Мартыновым информация по Соедову и Кугульскому. Однако, располагая всеми донесениями о Распутине в Петрограде, Джунковский в своих воспоминаниях не приводит столь важное свидетельство, как донесение о посещении Соедовым Распутина именно в Петрограде, и вообще о контактах Распутина с этим человеком. Ничего об этом не известно и по другим источникам. Это странно, поскольку Джунковский приводит из журнала наружных наблюдений выписку о посещении Распутина-Нового Ежовой Евгенией Карловной, которая просила «его содействия по устройству ей подряда поставки белья для войск миллиона на два рубля». Ежова привлекла внимание Джунковского, а Соедов, бывший у Распутина в общем то по такому же поводу, что и Ежова, но, который при этом фигурировал в деле о кутеже в «Яре», не привлёк внимания Джунковского? Странность. Пусть у Джунковского на руках в момент написания мемуаров были только выписки из журнала наружных наблюдений. Но почему он не навёл справки по горячим следам, и не нашёл и не предоставил подтверждения посещения Соедовым Распутина в Петрограде? Странно, что он этого не сделал! Отсутствие подтверждения контактов Соедова и Григория Распутина в первичных донесениях закономерно даёт основание предполагать, что личности Соедова и Кугульского — подставные.

Далее подходим к кульминационному моменту в описании событий в ресторане «Яр». Сам Владимир Фёдорович пишет о том (видимо, не упомянуть об этом было уже неприлично, потому что все об этом знали?). Джунковский пишет, что хозяин ресторана Судаков не признал Распутина, но уверял, что это двойник. Вот это настоящая сенсация! Просто шокирующий воображение подробность. Дело приобретает совершенно неожиданный поворот. Нашёлся человек, бывший в ресторане и видевший Распутина, т. е. непосредственный свидетель, который, подчеркнём, настаивал на своём свидетельстве, и ответственно заявлял, что это не Распутин.

Владимир Фёдорович Джунковский спешит дать объяснение, как такое могло быть, и списывает всё на желание «избежать неприятностей и излишнего любопытства». Но как можно в присутствии Распутина утверждать, что это не Распутин? Да и сама мысль могла ли прийти в голову нормальному человеку, назвать другого напрямую, в лицо, не тем, кто он есть на самом деле? Т.е. вы — это не вы, а ваш двойник. Сама мысль о двойнике откуда взялась то, если бы двойников Распутина не существовало в природе? Т.е. прецедентов не было, и вдруг: сударь, да вы — не вы, вы двойник. Вот это пассаж. Да ещё заявить это «живому, пьяному, разбушевавшемуся» Распутину. Тут не то, что успокоить ситуацию, а спровоцировать драку, шум, крики, вызов полиции, оскорбления, полный скандал — гарантировано. Но Судаков сделал это, он заявил в момент присутствия Распутина в ресторане, что это не Распутин. Судаков мог решиться на такое при одном условии: он был уверен, что перед ним, действительно, не Григорий Ефимович Распутин-Новый, а

некая личность, называвшая себя Григорием Распутиным. И самое удивительное, что в общем то всё сошло на тормозах. А разве мог тот скандалист, которым упорно желают представить Распутина, оставить такое оскорбление без последствий?

Того мнения, что в ресторане «Яр», как и во многих других подобных случаях, действовал двойник, обоснованно придерживается, в частности, историк Т. Л. Миронова и ряд других православных исследователей.

Далее следует в общем то предсказуемое завершение «деловой» части всей истории — сделка не состоялась, т. к. не могла принести ожидаемой прибыли. Да, действительно, дело оказалось нестоящее. Но, обобщая все детали в описании Джунковского, становится понятным, что дело было не в деле, т. е. дело о «поставках и подрядах», являлось всего лишь неким прикрытием.

Хотя после высочайшего доклада Маклакова, как пишет Спиридович, инцидент был исчерпан, однако, тов. министра внутренних дел и одновременно начальник Отдельного корпуса жандармов Джунковский весьма озаботился распространением информации о поведении Распутина в «Яре». Всплеск его антираспутинской деятельности пришёлся на момент, когда положение на фронте было очень тяжёлым. В апреле был прорван фронт 3 армии генерала Радко-Дмитриева. Вновь потеряна Галиция. Армия отступала. В мае враг нанёс мощный удар, прорвав линию обороны на участке реки Сан между Ярославом и Перемышлем. Под угрозой была Варшава. Но на фоне военных неудач, совершенно неожиданным и непонятным, если не сказать больше, явилось действие генерала Джунковского, который решил озаботит Государя и попутно привлечь внимание общественности к вопросу, совершенно не относящемуся ни к положению на фронте, ни к стабилизации настроений в тылу. По сути Джунковский своим псевдорасследованием, результаты которого почему-то открыты для прессы, создаёт очаг возбуждения и недовольства в тылу.

Прямым поводом для высочайшего доклада Джунковского Государю явились беспорядки в Москве и допущенные при этом ошибки и недочёты полиции и Московских властей. Однако, тема всеподданнейшего доклада Джунковского во второй его части к делам полиции отношения не имела. Спустя два месяца после событий в ресторане «Яр», генерал Джунковский, воспользовавшись правом всеподданнейшего доклада по делам жандармерии, решил открыть глаза Государю на Распутина, указав на его поведение, его роль и влияние в жизни Государства Российского. Джунковский попытался привести факты, порочащие Распутина. Окончив, Джунковский оставил Государю письменный текст своего доклада. Как считает А. И. Спиридович, опять же со слов самого генерала Джунковского, «доклад Джунковского действительно произвёл на Государя большое впечатление, Его Величество очень рассердился и приказал, чтобы Распутин немедленно выехал на родину. Этот приказ был передан через Вырубову. Никогда, по словам Распутина, Государь не сердился на него так сильно, как после доклада Джунковского». [356]

Вывод Спиридович о недовольстве Государя не является самостоятельным, но сделан со слов того же Джунковского. Но из приведённой хронологии событий этого вывода, озвученного Спиридовичем, вовсе не следует!

По этому поводу сделаем небольшую ремарку, без которой трудно ориентироваться в исследуемом историческом пространстве. Несмотря на свойственный

натуре Спиридовича педантизм, всё же он при написании текста своих воспоминаний, точно отображая существо дела, допускает ошибки в хронологии. Сопоставляя информацию в изложении всех источников, легко установить подлинную канву событий. Наиболее точный путеводитель — это дневник Государя Императора Николая II, а также его высказывания по тому или иному поводу в передаче третьих лиц, но при одном условии. Это важное и необходимое условие заключается в том, что высказывания Государя должны быть воспроизведены лицом, незаинтересованным в искажении фактов, к коим мы относим в нравственном плане, прежде всего, генерала Спиридовича вместе с личным другом Государыни — Анной Вырубовой, и, напротив, к коим мы не можем отнести Джунковского в силу его слишком явной тенденциозности, склонности к передёргиванию фактов и искажению действительности. Рассмотрев представленный в хронологии материал, легко прийти к выводу, что по прошествии времени в памяти генерала Спиридовича произошло наложение событий, что привело к ошибке в датах.

Это касается того ключевого момента, перестановка которого во времени резко нарушает смысл некоторых действий и поступков, что с неизбежностью отражается на восприятии личности Григория Ефимовича Распутина-Нового. А именно: отъезд Григория Ефимовича 5 августа никак не связан с докладом Джунковского, который произошёл не 4 августа, как пишет Спиридович, а 1 июня. Соответственно, Спиридович, у которого возникла путаница с датами, мог домыслить, что приказание было передано через Вырубову, и Распутин сразу же, на следующий день выехал, но это не так. Григорий Ефимович покинул Петроград только через 14 дней после доклада Джунковского — 15 июня. В Петроград он вернулся в последних числах июля, 31 июля виделся с Государем, а 5 августа вновь отбыл в Покровское. И вот этот то отъезд 5 августа и имеет ввиду Спиридович, когда пишет, что Распутина провожали на вокзале Анна Вырубова с другими женщинами. По Спиридовичу этот отъезд случился на следующий день после разговора Джунковского с Государем, а раз Анна Вырубова была на вокзале среди провожавших, значит, она и передала приказ. Как видим, это не так. Встреча Государя с Григорием Ефимовичем произошла не сразу после доклада, а только 9 июня накануне отъезда Государя в Ставку. Не понятно откуда у Спиридовича информация, что Государь сердился при разговоре с Распутиным. Этот невольный домысел Спиридовича, как и «приказание, переданное через Вырубову», очевидно навеяны рассказом Джунковского. На самом же деле, следуя логике событий, Анна Вырубова никакого приказа не передавала, а Григорий Ефимович никуда не уезжал по приказу. Что это так, следует из представленной хронологической подборки. Скорее всего, причина этих нестыковок, помимо простой человеческой забывчивости, в том, что А. И. Спиридович, как и другие, был подвержен психологическому давлению со стороны общества, благодаря чему и был сформирован некий стереотип в трактовке событий, связанных с Распутиным, где Вырубова непременно занимала одно из главных мест. Это психологическое клише, созданное досужей молвой, которого не удалось избежать даже трезвомыслящему генералу А. И. Спиридовичу.

Итак, реакция Государя на доклад Джунковского и в изложении самого Джунковского, и в изложении Спиридовича явно преувеличена. Государь, уже достаточно осведомлённый о деятельности Джунковского, не придавал его словам никакого значения, и совершенно справедливо отнёсся к ним, как к пустым, бабьим сплетням. Сам Спиридович

приводит подтверждение тому, что не Григорий Распутин вызвал возмущение, а Владимир Джунковский вызвал, по крайней мере, удивление Государя: «Дворцовому коменданту Воейкову Государь сказал в те дни по поводу доклада Джунковского так: «Джунковский меня очень удивил, подняв вопрос, уже поконченный на докладе Маклакова два месяца тому назад». [357]

А меж тем, история, по свидетельству А. И. Спиридовича, имела продолжение, в том отношении, что посланные в Москву флигель-адъютант Н. П. Саблин и директор Департамента полиции С. П. Белецкий провели независимое от Джунковского расследование, в результате которого были получены сведения, оправдывающие старца Григория Ефимовича Распутина-Нового. Это свидетельство Спиридовича выходит из-под пресса информационного клише, и именно поэтому ему можно доверять. Начальник Дворцовой охраны относился к своим обязанностям в высшей степени ответственно. Можно сказать, что ему было известно всё. Как будет видно на примере с Хвостовым, генерал Спиридович любую информацию, от кого бы она не исходила, принимал с осторожностью и всё стремился перепроверить. И если он утверждает, что Адрианов сообщил оправдывающие сведения, значит, сведения действительно были оправдывающие.

События в ресторане «Яр» в изложении Роберта Брюса Локкарта

Интересно, что материалы дела, представленные ведомством Джунковского, расходятся с тем, как излагает события сотрудник британского консульства в Москве Роберт Брюс Локкарт. Этот дипломат, согласно утверждению английского исследователя Эндрю Кука, был связан по службе с сотрудником британской разведмиссии в Петрограде, младшим лейтенантом Освальдом Райнером, который сыграл роковую роль в убийстве старца Григория. Это означает, что Брюс Локкарт сотрудничал с английскими спец. службами и вполне мог исполнять их поручение, оказавшись в ресторане «Яр» в нужный день и час. Было бы странным предполагать иное. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что британский агент Брюс Локкарт, по его собственному утверждению, находился в ресторане (конечно же, совершенно случайно) как раз в тот момент, когда произошёл скандал, связанный с именем Распутина. Локкарт, имея возможность наблюдать всё своими глазами, много лет спустя описал картину происшествия, на наш взгляд, довольно поверхностно, однако, отметив многие важные детали. По его утверждению, на «дикие вопли женщин, громовые мужские проклятия, звон битой посуды и грохот» появился полицейский и не один. Далее, согласно Локкарту, «квартирный телефонирует инспектору, инспектор — префекту. Префект связался лично с товарищем министра внутренних дел Джунковским. <...> По его приказу Распутина <...> скрутили как миленького, и доставили в ближайший участок. <...> Он был освобождён ранним утром на следующий день по приказу с самого верха...» [358]

Противоречивость этого рассказа уже в том, что был вызван полицейский, даже несколько. Значит, полицейские всё же были, а первичного донесения по горячим следам, как и фамилии полицейского, или полицейских, в деле не фигурирует. Можно возразить, что был рапорт станового пристава Семёнова. Но дело в том, что рапорт станового не является первичным донесением, поскольку не сам становой пристав непосредственно

несёт службу на местах. «Становые приставы являлись серединой сложной полицейской вертикали власти». В распоряжении станового находились полицейские урядники, а также нижние чины: сотские и десятские, которые и «осуществляли исполнение полицейских функций, связанных с повседневным поддержанием правопорядка». [359]

«Ссоры, драки, буйство и бесчиние всякого рода немедленно прекращаются властью станового пристава, который в нужном случае употребляет к сему пособие урядников, сотских, десятских и даже простых обывателей. Кто окажется виновным в таких беспорядках, того он отдает на месте под стражу и в дальнейшем ходе дела поступает по правилам уголовного судопроизводства». [360]

Примечательно, что и сам Джунковский отмечает, что в рапорте пристава Семёнова, присланном Джунковскому Адриановым, отсутствовала не только подпись (это можно объяснить, поскольку был прислан не оригинал, а копия), но и дата. По смыслу первичного донесения дата и подпись ставятся неукоснительно. Это говорит о том, что рапорт Семёнова был написан в произвольной форме, и, в лучшем случае, просто не являлся первичным донесением, а в худшем случае, есть все основания предположить написание рапорта задним числом с намеренным искажением фактов, т.е., попросту говоря, рапорт Семёнова — фальшивка. Таким образом, что было написано в первичных донесениях на самом деле — неизвестно. Странно и то, что их, первичных донесений, попросту нет. Странность также и в том, что, по утверждению Локкарта, Распутин был доставлен в полицейский участок, что также должно было быть отражено в документах (протоколах), но таковые к делу не прилагаются, или их изъяли. Далее. Оказывается, в этот же день обо всём знал и Джунковский, а если верить материалам дела, подробности стали ему известны лишь по прошествии двух месяцев, что просто невероятно, зная болезненное отношение Джунковского к Григорию Распутину, а также и то, что ему было поручено Маклаковым охрана старца Григория. Так кому верить, Локкарту или Джунковскому? Если верить Локкарту, то в материалах дела, получается, изложена лживая информация; если верить Джунковскому, получается, что врёт Локкарт.

Можно предположить, что составленные протоколы были изъяты и уничтожены по приказанию Адрианова. Но изъятие документов — есть должностное преступление. Обвинять Адрианова в том, что он был способен совершить должностное преступление нет никаких оснований. Если бы это произошло, Джунковский, который без обиняков выразил своё негативное отношение к Адрианову, не преминул бы сообщить о должностном преступлении Адрианова. Но Джунковский этого не делает, значит, должностного преступления со стороны Адрианова не было. Получается, что, как бы, ничего и не было. Полицейского протокола нет, первичных донесений филеров тоже нет, должностных преступлений нет, версии очевидцев противоречат друг другу. Что же есть? Есть вопросы, на которые нет ответов.

Нестыковка двух версий свидетельствует об одном: и Джунковский, и Локкарт — оба были причастны к провокации в «Яре». Объяснить путаницу в изложении деталей просто: подробности происшедшего не имели никакого значения, важен был эффект. Всё становится на свои места, если допустить, что историю с «Яром», выражаясь языком криминалитета, заказали, а Локкарт, как агент британской разведки, исполнял поручение. Оно могло заключаться хотя бы в том, что на конечной фазе спец. операции Локкарт должен был подтвердить, что акция прошла успешно, что он и сделал, погуще добавив

красок. В целом акция была организована и проведена бестолково, не было выработано даже единой линии освящения событий, допущен явный «прокол» с полицейскими донесениями. Но этого и не нужно было, поскольку расчёт делался совершенно на другое. Озлобление в обществе было настолько велико, что раздраживший почтенную публику инцидент, связанный с именем Распутина, мгновенно вызвал такую волну слепой ненависти, что страсти не могут улечься вот уже более ста лет, что находит отражение в печатных материалах на тему о Распутине и по сей день. Понятно, что для высоких «заказчиков» в изложении событий детали и точные подробности не нужны. Нужен был результат — создание повода, чтобы состряпать очередную гадкую клевету и поднять в обществе грязную волну пересудов. Технически для этого нужно было сделать следующее: попытаться «объект» напоить — спровоцировать скандал — поднять шум — инсценировать безобразие.

События в ресторане «Яр» с исторической высоты. Контра-версия

Большое видится на расстоянии. Прошло достаточно много времени с воспоминаемых событий. Возможно ли внести корректировки в те выводы, которые сделали современники старца Григория, недоброжелатели и доброжелатели, или просто люди, которые оказались сторонними наблюдателями? Совокупность всего вышеизложенного, с учётом многочисленных нестыковок и противоречий официальной версии доказывает возможность следующей трактовки событий. Произошедшее в ресторане «Яр» является очень тонко и продуманно инсценированным представлением с участием действительного двойника Распутина. Организация всего дела легла на плечи начальника Московского охранного отделения полковника Александра Павловича Мартынова. Было ли прямое распоряжение со стороны Джунковского неизвестно. Факты подводят к этому выводу. Но возможно, что Мартынов действовал и независимо от Джунковского, почему и не раскрыл ему до конца всех карт, воспользовавшись профессиональной некомпетентностью своего шефа. Можно предположить, что за спиной прямых исполнителей стояла английская разведка, заинтересованная в устранении Распутина. Интересно, что сам Мартынов оставил для истории свои воспоминания, в которых он лишь вскользь касается темы Распутина, и совершенно не касается темы событий в ресторане «Яр»! Хотя Мартынов много рассуждает о причинах увольнения Джунковского, которые напрямую связаны с его высочайшим докладом об этом происшествии, Мартынов никак не развивает эту тему, маскируя её фразой, что Джунковский в своей блестящей карьере «поскользнулся» на одной «апельсиновой корке», почему и был отправлен на фронт. Очень образно, но не понятно, слишком сухо и таинственно сказано. А причина непонятности и завуалированности не иначе, как в том, что сам Мартынов эту апельсиновую корку и вбросил на пути своего шефа. Впрочем, сделал он это вряд ли по своей воле.

Владимир Фёдорович Джунковский слишком открыто, прямолинейно ненавидел Григория Ефимовича. Доказать виновность Распутина было его идеей фикс. Джунковский, по его собственному признанию, давно желал открыть глаза Государю на Распутина, но не было основательного материала. Донесения филеров, даже в виде отредактированных версий — очень зыбкая база для обвинения, которую легко можно

было разбить, а обвинения опровергнуть. Поэтому нужно было создать веский аргумент, хотя бы один. Вот Владимир Фёдорович и ухватился за события в «Яре», пытаясь их раскрутить до громкого скандала. Действовал ли Джунковский в связке с Мартыновым, трудно сказать. Ясно одно: дело было поручено профессионалу — полковнику Мартынову, но кем поручено, Джунковским или кем-то ещё, остаётся неизвестным. Мартынов разработал план с участием Соедова и Кугульского. Вот откуда он так быстро предоставил по ним информацию, она была уже заранее заготовлена. Оставалось организовать непременно приезд в ресторан настоящего Распутина, где его надо было хотя бы напоить, а если не удастся заставить его творить непотребства, в ресторане должен был присутствовать двойник Распутина, который довершит безобразие. Настоящий Распутин приехал с вдовой Анисьей Ивановной Решетниковой, его напоили (подать в нужный момент одурманивающее зелье — известный, отработанный веками приём), и Анисья Ивановна благополучно увезла Григория Ефимовича в свой дом, где он имел обыкновение останавливаться, когда приезжал в Москву. Возможно, на этой фазе операции был и Соедов, возможно, был вызван Кугульский, а может их вовсе и не было вначале. Главные события разворачивались после отъезда настоящего Распутина. На сцене появились основные действующие лица: Соедов, молодая женщина, Кугульский и двойник Распутина. Дальше всё было так, как описал пристав Семёнов и сотрудник английской миссии Локкарт.

Приезд настоящего Распутина, как и его опьянение, были необходимым звеном всей операции, поскольку в этом случае Григорий Ефимович опровергнуть ничего не мог, т. к. в ресторане был, а помнить всех подробностей не мог — действовал «фирменный» напиток. Единственное, что он мог возразить Государю на прямой вопрос — это то, что и он человек грешный. При этом вряд ли Государь, расспрашивая Григория, касался всех скабрёзных подробностей, которые смаковала пресса. Вопрос был поставлен не вполне определённо, например, был ли в «Яре», был ли пьян? Что мог ответить Григорий Ефимович? «Да, Государь, был в «Яре», выпил лишнего, дальше не помню, да ведь и я человек грешный». Возможно, что Государь, «правильно» настроенный Джунковским, вознегодовал. По своей подлой сути действия со стороны Джунковского называются оговором. А со стороны Государя — допрос. Но допроса с пристрастием быть не могло. Государь — не оперуполномоченный следователь. Спросил в общем, получил общий ответ, далее работала установка Джунковского. Всё. Гениальность разработки была в том, что Григорий Ефимович не мог опровергнуть ничего, так как действительно был в этот день в «Яре», и прочее. Да он и не желал оправдываться. Вот его ответ всем клеветникам: «В чем обвиняют – не виновен, увидимся на Суде Божиим! Там оратор не оправдается и все калена земная». [361]

Джунковский из событий у «Яра» сплёл загадочный узор со множеством узелков, которые трудно распутать. Предложенная контра-версия позволяет это сделать — многое становится ясным и понятным. Вот почему хозяин ресторана Судаков так твёрдо заявил, что это не Григорий Ефимович, а незнамо кто. Вот почему нет в деле первичных донесений филеров, которые раскрывали истинную картину произошедшего. Эти донесения были изъяты уже по приказу Джунковского. Вот почему задним числом оформленный рапорт позволял удобно заретушировать многие подробности, например, отъезд настоящего Распутина. Вот почему в рапорте в сомнительной компании

представителей бульварных изданий и неустановленной молодой женщины оказалась вдова почётного гражданина уважаемая пожилая женщина, которая могла ли спокойно смотреть на непотребства, приписываемые её духовному другу и постояльцу? Вот откуда взялась нестыковка в полицейских рапортах при описании момента оплаты. Кто расплачивался — молодая женщина, или старая, или Кугульский? Похоже, что те, кто отчитывался перед Джунковским и писал рапорты, сами запутались, потому что в первый визит была Анистья Ивановна Решетникова, которая и расплачивалась, а потом была молодая, но по донесениям Мартынова, пирушку оплачивала не молодая женщина, а Кугульский. Вот почему Владимир Фёдорович так таинственно и ловко предложил читателям своих воспоминаний подборку первичных донесений, где почему-то не было донесений о событиях в «Яре». Вот почему градоначальник Адрианов, не мог подтвердить того, что требовал от него Джунковский: по донесениям полиции дело было так, как того хотел Джунковский, а в реальности совсем иначе, т. е. Григорий Ефимович Распутин-Новый был ни при чём. Вот почему для разрешения коллизии Адрианову, который не был посвящён в планы охраны (Мартынова и Джунковского), пришлось ехать в Петроград и просить высочайшей аудиенции. Вот почему Джунковский не передаёт смысла того, что устно поведал ему Адрианов. Вот почему Адрианов ограничился присылкой Джунковскому только того рапорта, который был написан приставом Семёновым, не удосужив Джунковского письменным изъяснением того, что Адрианов уже поведал ему устно при личной встрече — того, что совершенно не устраивало Джунковского. Всё уже было сказано, но намерено не понято, а повторяться Адрианов счёл ниже своего достоинства при таком отношении. Вот почему флигель-адъютант Н. П. Саблин и бывший начальник Департамента полиции сенатор С. П. Белецкий, приехав в Москву по поручению Государя для независимого расследования, не подтвердили обвинений Джунковского, напротив, опросив всех свидетелей, список которых был предоставлен Саблину Джунковским, и Адрианова в том числе, получили оправдывающие Распутину сведения. Вот почему возмущённый Государь приказал отстранить Джунковского от занимаемой должности.

Отставка Джунковского и её последствия

Государь всё отлично понял уже задолго до того, как с исторической высоты проступила неприглядная роль Джунковского. Инцидент в ресторане «Яр» лишь укрепил Государя в мысли о несоответствии Джунковского занимаемой должности и необходимости его замены. Первый подготовительный шаг в этом направлении был уже сделан — отставка его патрона, министра внутренних дел Н. А. Маклакова.

Деятельность Джунковского не составляла секрета и для Государыни Императрицы Александры Феодоровны. В письме Государю от 22 июня 1915 г. она прямо называет Джунковского своим врагом и нечестным человеком. Государыня пишет, что «он показал Дмитрию эту гадкую, грязную бумагу (против нашего Друга), Дмитрию, который рассказал про это Павлу и Але. — Это такой грех, и будто бы ты сказал, что тебе надоели эти грязные истории, и желаешь, чтобы Он был строго наказан». [362]

В письме речь идёт о всеподданнейшем докладе о событиях в ресторане «Яр», подготовленном Джунковским. Напомним, что Джунковский обещал Государю никому не

показывать материалы доклада. Цена слова Джунковского наглядно проступает в эпизоде, отмеченном Государыней в письме.

Джунковский пользовался авторитетом среди офицеров Преображенского полка, которые под влиянием Джунковского вполне разделяли его мнение относительно Распутина. Государыня с болью говорит о том, что «преображенская клика» благодаря своему кумиру ненавидела Государыню и Анну Вырубову. Бедная Государыня по поводу деятельности Джунковского вынуждена констатировать, что «все так омерзительно! Всюду враги, ложь». [363]

Таким оказался результат работы Джунковского по разложению офицерского состава армии. Так он готовил почву для предательства Их Величеств армией в решающий момент.

Как контрудар, в ответ на благоприятное для Распутина завершение дела, Джунковский, спустя некоторое время после получения Саблиным и Белецким оправдывающих Григория Распутина сведений, допустил разглашение сведений, имеющих сугубо должностной характер. Речь идёт о тексте того доклада относительно Распутина, который был представлен Джунковским на высочайшей аудиенции, и который вызвал удивление Государя несвоевременностью подачи и несоответствием реально имевшим место фактам. В результате нарушения Джунковским слова, данного Государю, содержащаяся в докладе Джунковского информация «просочилась» на страницы газет вплоть до совпадения отдельных фраз. Этого оказалось достаточно — чаша терпения Государя была переполнена, и 15 августа 1915 г. со стороны Государя Императора Николая II последовало письменное указание министру внутренних дел Щербатову, сменившего Маклакова: «Уволить немедленно генерала Джунковского от занимаемых им должностей с оставлением в свите». [364]

Государыня считала, что в отношении Джунковского приняты слишком мягкие меры. В письме от 6 октября 1915 г. она пишет, обращаясь к Государю:

«Дружок, почему Джунковский получил Преображенский и Семёновский полки? Это слишком большая честь после его преступного поведения и это портит эффект наказания, — ему надо было дать армейские полки. Он продолжал распространять клеветы на нашего Друга среди дворянства — «Хвост» [А.Н. Хвостов] мне завтра принесёт доказательства тому. Ах, это слишком милостиво дать ему такое блестящее назначение! Воображаю все гадости, которые он будет распускать по этим двум полкам, — и все ему будут верить!» [365]

Как следует из письма Государыни от 8 октября 1915 г., отстранение от должности и принятые по отношению к нему меры, как и предполагала Государыня, не остановили Джунковского. Он позволил себе снять копии со всех должностных бумаг против Григория Распутина, хранившихся в министерстве внутренних дел с целью распространения порочащей его информации среди московского дворянства. Каков был результат его деятельности, легко представить, если такая мужественная и бескомпромиссная в вопросах нравственности женщина, какой была Вел. княгиня Елизавета Фёдоровна, полностью сформировала свою позицию по отношению к Распутину, доверившись информации Тютчевой, Новосёлова, Самарина, наконец, Джунковского и наотрез отказалась даже познакомиться со старцем Григорием.

Государыня была возмущена и глубоко оскорблена подлыми действиями царского офицера. Она пишет:

«Жена Павла [*княгиня О.В. Палей*] ещё раз рассказала А. [*Анне Вырубовой*], что Джунковский уверял честным словом, будто ты зимой ему приказал строго судить Григ[*ория*]. Он это сказал Павлу и его жене, и повторял это Дмитрию и многим другим в городе. Я называю это бесчестным, в высшей степени нелояльным поступком, и такой человек не заслуживает ни наград, ни высоких назначений. Он будет бессовестно продолжать вредить нашему Другу и клеветать на него в полках. Гр[*игорий*] говорит, что его работа не может быть удачной, так же, как и Ник. [*Вел. кн. Николая Николаевича*], раз они пошли против Него, — т. е. против тебя». [366]

В среде московского дворянства Джунковский предстал в роли мученика, пострадавшего от действия «тёмных сил». В качестве утешения он получил предложение от Вел. князя Николая Николаевича приехать к нему на Кавказ и занять пост атамана Терских казачьих войск. По этому поводу, а также в связи с конфликтом между мин. вн. дел Хвостовым и флигель-адъютантом Дрентельном, возникшим на почве отношений к Джунковскому, Государыня пишет мужу (письмо от 1 ноября 1915 г.):

«Из перлюстрированных писем видно, что Н. [*В. кн. Николай Николаевич*] намеревается предложить ему место своего помощника. Ради Бога, не соглашайся, иначе там образуется целое гнездо злодеев, замышляющих зло и вред. Дай ему лучше назначение на фронт — он слишком опасный человек, чтобы играть роль мученика». [367]

Итоговая оценка событий в ресторане «Яр», а также тех, кто стал их жертвой

Какие же выводы следуют из столь подробного рассмотрения внутренних и внешнеполитических обстоятельств, сопутствовавших кампании против старца Григория в период весны-осени 1915 года?

Основной вывод состоит в том, что велась большая игра. Ставкой в этой игре была власть. Цель — смещение законного Царя Николая II вместе с Царицей Александрой Фёдоровной. Царь и Царица были одно. Видение и оценка событий, сделанные Государыней Императрицей Александрой Фёдоровной в письмах Государю Императору Николаю II, потрясают своей глубиной, точностью. Государыня — живой нерв, остро чувствующий боль ведущихся против неё и Государя интриг. Она в курсе всех политических событий, она имеет твёрдую позицию, как правило, очень точную и безошибочную в оценке действующих политических персонажей, в раскладке и целях политических партий и общественных сил.

Например, в письме Государыни Императрицы Александры Фёдоровны — Государю от 24 июня 1915 г. вновь проступает удивительно точное видение и оценка Государыней реального положения дел относительно места и роли Думы. При этом Государыня вновь и вновь недвусмысленно пишет о поддержке её со стороны Нашего Друга и полном с ним единомыслии. Государыня, в связи с Думой, поднимает вопрос и о частом, по её мнению, пребывании Государя в ставке, где окружение Николая Николаевича и он сам пытаются повлиять на Царя в принятии важных политических решений. Государыня признаёт в конце письма, что Григорий помогает ей составить своё мнение по всем вопросам. Это мнение она изо всех сил пытается донести и до Государя. В

этом нет ничего «ужасного», если признать конечную правоту Александры Феодоровны. Остаётся подивиться, насколько тонки и верны её предчувствия. Ведь в это же самое время ставка была фактически в центре подготавливаемого общественностью, т. е. Думой, дворцового переворота, а Николай Николаевич играл во всём этом ключевую роль, т. к. по планам заговорщиков должен был занять место законного Государя, при полной внутренней готовности Николая Николаевича и согласии его на это.

Несомненно также и то, что и сам Самодержец Николай II отлично всё видел и понимал, но принятие им решительных мер было сдерживаемо высокими нравственными принципами Русского Царя, благородством его души, кротостью духа, и, если можно так сказать, терпеливым мужеством или мужественным терпением по отношению к своим родственникам (именно так, ведь он всё прекрасно видел и понимал). Государь Николай II был, безусловно, самостоятелен в принятии решений, но как всякий человек, нуждался в поддержке, а как православный глубоко верующий и благочестивый человек, в духовном совете и тем более в молитве и благословении старца.

Кто же помогал Государю Императору Николаю II помимо Императрицы в этот напряжённейший, ответственнейший, судьбоносный момент, когда, казалось бы, все были парализованы и хаос неизбежен, армия отступает, в Ставке паника, готовится заговор против Государыни, ближайшее окружение, включая родственников, министров, лидеров Думы — все отвернулись. Кто поможет кроме Бога, и тех, кто горячо Ему молится за Царя, за Царицу, за Их благоденствие и благополучие, поскольку Царское благополучие — есть благополучие Отечества!? Кто же был рядом? Кто вселял уверенность, крепко надеялся и твёрдо верил, утешал, не унывал, благословлял? Кто исцелял бедную Государыню и неизлечимо больного Наследника? Ответ один — Старец Григорий!

Заговор против Государыни, о котором свидетельствует и пишет А. И. Спиридович — это был заговор против Государя. Бывший рядом с Царской Семьёй старец Григорий попал в жернова, и ему отвели роль в этой большой игре, роль пугала, фантома, возбуждающего истерические настроения, способствующие безумию и ослеплению общества. На фоне ослепления народа совершить переворот не составляло труда. Распутин должен был во что бы то ни стало соответствовать этой роли. Если он не соответствовал — его нужно было сделать соответствующим. И его делали таким всеми доступными средствами. В ход шла клевета, низость публикаций бульварной продажной прессы, возбуждение грязных слухов, не гнушались подлогом, обманом, фальсификацией, инсценировкой, двойниками — ничто не запрещено, всё допустимо.

Что было на самом деле в ресторане «Яр», наверное, никто уже не расскажет. Истинная картина была смыта деятельностью Джунковского. Показания свидетелей, как и полицейских, которых не могло не быть, рисующие произошедшее в благоприятных тонах, были уничтожены. Недоступно и оправдывающее старца Григория письмо градоначальника Адрианова, изложившего подлинные события. Если опираться на документальную информацию, представленную в различных источниках, в том числе у Радзинского, не трудно прийти к выводу, что в отчетах Ч.С.К. есть лишь упоминание, что такое письмо было, самого же письма нет, и т. д.

Не сохранилось и рассказов Григория Ефимовича, видимо, по его смиренному правилу не противиться клеветникам. Напомним ещё раз слова старца Григория, которые прямо относятся к деятельности его недоброжелателей:

— Пошлют злых людей, а злой человек хуже беса — не боится ни храма Божия, и ни Святого Причащения, и всё святое нипочём.

Всё пишет гадкую сторону по наученью беса и от зависти на день Суда Божия! Я им не противился, а старался сделать добро: помогать устраивать церковные дела.

В чем обвиняют — не виновен, увидимся на Суде Божиим! Там оратор не оправдается и все калена земная.

Ловко и клеветать — человек не оправдывается, а готовит на день суда Божия и этим желает узреть Бога.

Ах, несчастный бес восстановил всю Россию, как на разбойника! Бес и все готовят блаженство вечное! Вот всегда бес остается ни с чем. [368]

Если же и вправду, со слов Спиридовича, Григорий Ефимович был удивлен сердитостью Государя, родного Папы, то не удивительно и то, что не стал Божий старец оправдываться перед Царем, считая себя виновным хотя бы уже в том, что явился причиной бесконечных неприятностей для Царя и Царицы, хоть и не по своей воле. В его непротивлении, проступившем в смиренных словах, сказанных Николаю II, что и он человек грешный, проявилось глубокое осознание греховности человеческой природы. Такое видение и покаянное самоукорение под силу только великим праведникам. Но не в чем было оправдываться Григорию Ефимовичу, разве что в том, что оказался он в ресторане, но так ведь жил он в миру, и был прост, и посещение ресторанов не противоречило его обычаю, которого придерживался с тех пор, как Божьей волею оказался в стольном граде. Напиться и безобразничать можно и в простом кабаке, и в крестьянской избе, если на то есть склонность и произволение. Да вот только, по свидетельству жены Григория Ефимовича, Прасковьи Федоровны, её муж у себя на родине, в селе Покровском, вёл совсем иной образ жизни: «Не курит, не пьёт, в церкви каждое утро, а тут [*в С-Петербурге*] все ночи где-то таскают», — сетует в разговоре с Тобольским губернатором Н. А. Ордовским-Танаевским бедная Прасковья Фёдоровна, чувствуя, что хотят погубить её мужа, — «Губят его здешние бабы и мужики, и погубят». Добавляет красок и дочь Григория Ефимовича: «Охотятся, как за зайцем». [369]

А ведь и вправду, охотились за Григорием Ефимовичем. События в «Яре», вернее, вокруг «Яра», — всего лишь один из эпизодов этой охоты, где старца Григория травили, как зверя. Генерал Джунковский в этой облаве на Распутина выступал в роли загонщика. А закончилась большая охота в доме Юсупова, где западня захлопнулась, и великосветские «бабы» вместе с высокопоставленными «мужиками» довершили чёрное дело, с таким азартом творимое Джунковским.

Но подведём итог. Изложенное в этом разделе даёт основания считать, что события в ресторане «Яр» — политический заказ с участием британских спец. служб. Заказ был исполнен сотрудниками политической полиции, которой руководил В. Ф. Джунковский. Цель — создать очередной миф о Распутине, как политический инструмент разрушения Императорской России.

Показания Джунковского на допросе в ЧСК

Много высказав нелицеприятного о деятельности В. Ф. Джунковского против Г. Е. Распутина-Нового, необходимо предоставить и ему самому возможность оправдаться. И такая возможность была ему предоставлена историей. С этой точки зрения небезынтересно внимательно разобрать показания Джунковского на допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства, где от Джунковского хотели услышать, прежде всего, конкретику, те самые реальные факты, улики, итоговые выводы Джунковского за весь период его пристрастного наблюдения за Распутиным. Каковы же результаты усилий Джунковского, как восприняты они были следователями ЧСК? Но сначала, следуя правилу по возможности предварять наши выводы документальным материалом, приведём текст допроса В. Ф. Джунковского.

Допрос В. Ф. Джунковского в Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК) Временного Правительства от 2 июня 1917 г:

— [Председатель]: Что вы знаете о безответственных влияниях на министров вашего времени?

— [Джунковский]: Вы имеете в виду, собственно, Распутинское влияние?

— [Председатель]: Да, и влияние окружавших Распутина лиц.

— [Джунковский]: Этим делом я безусловно занимался, потому что я считал это входящим в сферу моей деятельности, в виду того громадного вреда, который все время приносил Распутин. Я не мог, конечно, обойти это своим вниманием. В виду этого, у меня было учреждено за Распутиным двойное наблюдение: одно гласное, под видом охраны его личности, при посредстве двух человек, другое негласное, тоже при посредстве двух человек. Это двойное наблюдение должно было давать мне точное представление о той обстановке, в которой он находился. Я учредил это наблюдение за ним, когда обратил внимание и на то большое влияние и на то, что многие благодаря его хлопотам получали места. Каждый день я получал рапорты о том, куда Распутин отправлялся, сколько времени где пробыл и кто у него был. При этом, если кто-нибудь из его посетителей оказывался мне неизвестным, я приказывал навести о нем справки. На основании этих сведений у меня составлялось представление о том, кто, пользуясь влиянием Распутина, домогается получить что-нибудь или достигнуть чего-нибудь. Но наблюдение это было установлено мною не сразу после моего вступления в должность, — насколько я припоминаю, оно было установлено в 1914 году — как раз перед тем, как на него было произведено покушение.

— [Председатель]: В июле 1914 года?

— [Джунковский]: Правильно. Значит, в течение целого года после вступления моего в должность наблюдения этого не было. Но влияние его становилось все сильнее и сильнее. Устанавливая за ним наблюдение, я имел в виду добыть известные данные, которые позволили бы обвинить его в каких-нибудь незаконных проделках, — в каких-нибудь, например, незаконных заказах во вред правительству и т. п. Но довести это дело до конца мне не удалось, потому что, после происшествия, которое было с ним в Москве, мне было очень трудно

действовать в этом направлении: я встречал невидимый, но очень сильный отпор в этом.

— [Председатель]: Вы имеете в виду скандал у Яра, где он так неприлично себя вел?

— [Джунковский]: Да. Этот скандал дал мне повод представить доклад государю.

— [Председатель]: До вас тоже производилось какое-нибудь наблюдение за Распутиным?

— [Джунковский]: Говорили, что да, но фактов относительно этого у меня нет.

— [Председатель]: И следов относительно этого в делах вверенной вам части министерства не осталось?

— [Джунковский]: Я лично не видал.

— [Председатель]: Каков был, по вашим наблюдениям, общий характер влияния Распутина? Вы говорите, что он влиял на назначения высоких лиц в государстве?

— [Джунковский]: Да, я знаю, во-первых, по разным слухам, что к нему ездили, просили и т. д. Затем, я видел некоторые записки, которые он писал министрам, где просил устроить такого-то.

— [Председатель]: Это мелочи. Вы не застали того периода, когда он поднялся несколько выше в смысле влияния и стал участвовать в назначениях самих министров?

— [Джунковский]: Определенных фактов у меня нет, но по ходу дела это совершенно ясно. Я, например, узнал о своем уходе 10 августа из слов Распутина, сказанных моему агенту.

— [Председатель]: Что же он сказал?

— [Джунковский]: 10 августа он сказал: «Ну, а ваш Джунковский»... и свистнул. А 16 августа была записка государя о том, что я должен уйти.

— [Председатель]: На эту записку вы ответили письмом на имя государя?

— [Джунковский]: Это была записка не мне, а кн. Щербатову, который пригласил меня и дал ее прочесть. Она следующего содержания: «Настаиваю на немедленном отчислении генерала Джунковского».

— [Председатель]: Что послужило причиной вашего увольнения?

— [Джунковский]: Я так и не мог добиться. Я написал государю письмо по этому поводу, но ответа не получил.

— [Председатель]: В этом письме вы прямо ставили вопрос о вашем увольнении?

— [Джунковский]: Вопросы прямо я не ставил, но писал, что мне очень тяжела неизвестность тех причин, которые лишили меня доверия государя императора, — особенно после того громадного доверия, которое он мне всегда оказывал в течение моей службы; я просил об увольнении меня в отставку с тем, чтобы уйти и из свиты, потому что раз я потерял доверие государя, то ему не может быть приятно видеть среди лиц свиты человека, лишенного его доверия.

— [Председатель]: И вы ушли из свиты?

— [Джунковский]: Нет. Я написал, что по выходе в отставку я буду проситься вновь поступить на службу в действующую армию. На это государь ответил мне через Щербатова, на словах, что в отставку он меня не отпустит, в свите оставляет, а на войну предоставляет мне возможность уехать. Тогда последовало высочайшее повеление об отправлении меня в действующую армию.

— [Председатель]: Как вы сами объясняете себе вашу отставку?

— [Джунковский]: Я думаю, что тут повлияла, главным образом, императрица Александра Федоровна.

— [Председатель]: Почему вы так думаете?

— [Джунковский]: Потому что до того времени, пока государь не передал императрице моей записки, он относился ко мне очень хорошо, я бывал с ним в путешествиях, и отношение с его стороны было даже более предупредительное, чем раньше, а потом, когда, как я узнал, моя записка была передана Александре Федоровне, я увидел и почувствовал, что что-то произошло.

— [Председатель]: Когда была передана эта записка?

— [Джунковский]: В июне.

— [Председатель]: У вас есть копия этой записки?

— [Джунковский]: Нет, её у меня нет. Я нарочно, когда писал её, не сохранил копии, чтобы она не попала как-нибудь в печать.

— [Председатель]: Каково было содержание этой записки?

— [Джунковский]: Она заключала самое подробное описание того, что было у Яра, и вообще путешествия Распутина в Москву, причем всё, что там происходило, было описано самым откровенным образом. Затем я написал государю, что, принимая во внимание, что Распутин бывает в царском дворце, я счёл долгом осветить картину поведения этого человека и обратил внимание, что это уже не первый случай, что всё это идёт крещендо и налагает некрасивую тень; поэтому я и считаю долгом верноподданного доложить это, полагая, что это грозит династии.

— [Председатель]: Вы предназначали эту записку для бывшего императора, а не для Александры Федоровны?

— [Джунковский]: Я лично отдал эту записку государю и, кроме того, сделал ещё подробный доклад, излагая свой взгляд на Распутина и на Россию.

— [Председатель]: Вы ставили вопрос с точки зрения личной или династической или с точки зрения государственной?

— [Джунковский]: С точки зрения государственной и династической. Я указывал на опасность, которая угрожает государству и династии.

— [Председатель]: Вы указывали на разлагающее влияние и на власть этого человека?

— [Джунковский]: Да, очевидно. Я совершенно откровенно всё сказал. Чтобы представить доклад, я воспользовался тем, что государь вызвал меня по поводу беспорядков в Москву. Там в мае были немецкие погромы, и я ездил в Москву. Когда я вернулся, государь прислал за мною, чтобы я сделал ему доклад по поводу этих событий; тогда я сделал одновременно и этот доклад. Не помню, какого числа это было. Государь принял меня в 10 часов вечера, отнёсся очень

хорошо, слушал очень внимательно, но не проронил ни одного слова во время моего доклада. Затем протянул руку и спрашивает: «У вас это написано?». Я вынул записку из портфеля, государь взял её, открыл письменный стол и положил. Тогда я сказал государю, что в виду серьёзности вопроса и в виду того, что я считаю деятельность Распутина крайне опасною и полагаю, что он должен являться орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели, я просил бы разрешения государя продолжать мои обследования о деятельности Распутина и докладывать ему. На это государь сказал: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, — это будет между нами». Я очень поблагодарил государя за доверие. Потом государь ещё с полчаса или час держал меня, — мы говорили о других делах, затем он меня отпустил. Было, должно быть, 12½ ч. ночи, когда я вышел от государя. После этого я два раза сопровождал государя в путешествиях в ставку, и ещё куда-то ездили, — сейчас я не помню. Вообще я пользовался большим вниманием со стороны государя.

— [Председатель]: Ведь вы были с давних пор известны государю через великого князя Сергея Александровича?

— [Джунковский]: Даже ещё раньше. С самого молодого офицерства, потому что я был в Преображенском полку, я служил в первом батальоне.

— [Председатель]: Так что вы были не только в близких, но, может быть, даже в очень близких отношениях с ним?

— [Джунковский]: Нет. В очень близких отношениях с государем я не был, но, во всяком случае, я пользовался всегда его доверием.

— [Председатель]: Эта ваша записка долго пролежала у бывшего государя? Он передал её Александре Федоровне по какому-нибудь поводу, — или вы не исследовали этого вопроса?

— [Джунковский]: Я не знаю, когда это было. Мне так много рассказывали, что трудно чему-нибудь верить. Должно быть, она была передана в конце июня.

— [Председатель]: После покушения или до покушения на Распутина?

— [Джунковский]: После, потому что я как раз был в ставке, и флигель-адъютант сказал мне, что императрица поручила ему проверить правильность моего доклада.

— [Председатель]: И что же, — он проверил?

— [Джунковский]: Не знаю. Я назвал ему даже свидетелей, которых он мог бы допросить для проверки.

— [Председатель]: Кто этот флигель-адъютант?

— [Джунковский]: Это Саблин.

— [Председатель]: Вы знаете, к каким выводам он пришёл, т.-е. опровергал ли его доклад ваше положение?

— [Джунковский]: Не знаю.

— [Председатель]: Судьбу вашего ухода разделили ещё и некоторые другие лица, которые были близки к государю, например, князь Орлов?

— [Джунковский]: Да, кроме того Дрентельн. Я не думаю, чтобы мой уход был связан исключительно с той запиской, которую я передал. Я думаю, тут

помогли и другие лица, которые были очень недовольны моей деятельностью в качестве товарища министра и заведывающего департаментом полиции.

— [Председатель]: Кто же именно?

— [Джунковский]: Я думаю, что Белецкий больше всего. Так мне говорили. По крайней мере князь Щербатов говорил: «Отчего вы не реагируете на то, что Белецкий распускает про вас в государственном совете разные вещи?». Я отвечал: «Мне решительно все равно. Пусть судят по моим делам, а не по тем сплетням, которые рассказывают». — «Но нужно же что-нибудь сказать». — «Я не буду ничего говорить».

— [Председатель]: Как вы себе представляете воздействие Распутина на императрицу и, может быть, на самого бывшего государя — хотя бы в связи с обстоятельствами вашей отставки?

— [Джунковский]: Я думаю, что императрица настаивала, чтобы меня удалили, как врага царствующего дома.

— [Председатель]: Но какие же были основания для этого утверждения относительно давнего личного друга государя и его семьи?

— [Джунковский]: Я думаю, что императрица была настолько ослеплена, настолько у неё всё было заволочено, если можно так выразиться, влиянием Распутина, что она не сознавала, что делает. И кроме того, у неё была твердая вера, что если не будет Распутина, наследник умрет. Это была ее *idée fixe*.

— [Родичев]: Об этом приключении у Яра в Москве ходили разные слухи. Одним из членов Государственной Думы было высказано даже, что во время этого кутежа Распутин позволил себе отзываться о своих отношениях к императрице в оскорбительной для неё форме. Это обстоятельство тоже было упомянуто в вашем докладе?

— [Джунковский]: Да, было.

— [Председатель]: Каким образом это затемненное сознание императрицы вяжется с тою настойчивостью вмешательства в государственные дела, какую она обнаруживала в случаях увольнения тех или иных лиц с высших постов, как, например, в вашем случае?

— [Джунковский]: Я думаю, что это объясняется характером Александры Федоровны, — она не допускала никаких препон на своем пути.

— [Председатель]: Значит, вы приписываете все это исключительно характеру и настойчивости Александры Федоровны? Как вы объясняете себе такое исключительное воздействие Распутина на супругу главы верховной власти?

— [Джунковский]: Я объясняю себе это психозом.

— [Председатель]: На какой почве?

— [Джунковский]: На почве истерии.

— [Председатель]: Скажите, в какие формы выявилось общение этого темного, невежественного, развратного человека с царской семьей?

— [Джунковский]: Я не знаю. Слухов ходило много, но фактов для суждения об этом у меня нет.

— [Председатель]: Мы проследили исключительные влияния Распутина на назначение и увольнение разных лиц. Но не знаете ли вы случаев, когда это лицо,

столь низко стоящее в моральном отношении, оказывало, тем не менее, влияние и на дела, имеющие чисто государственный характер?

— [Джунковский]: Назначения под его влиянием безусловно бывали, — это не подлежит сомнению. Я знаю, например, такой факт. Речь шла о назначении губернатором председателя пермской казенной палаты. Это еще при Маклакове, но Маклаков тогда не поддался и отказал. Он показал мне записку Распутина, в которой тот просил его... Виноват, это не так. Но, вероятно, императрица и Распутин принимали большое участие в этом председателе пермской казенной палаты. Маклаков говорил со мной тогда по этому поводу. Я высказал, что если сделать хоть одну такую уступку, то это уже будет наклонной плоскостью, и Маклаков отказал, — человек этот не был назначен. Но когда Маклаков ушел, он все-таки был назначен губернатором, кажется, это было уже после Щербатова.

— [Председатель]: Т.-е. при Хвостове?

— [Джунковский]: Я не помню, при ком.

— [Председатель]: Хвостов сменил Щербатова 26 сентября.

— [Джунковский]: Распутин хлопотал об этом назначении в течение целого года, но Маклаков выдержал характер.

— [Председатель]: Тему о личных назначениях я считаю исчерпанной, но вот что мне хотелось бы спросить. Вы имели секретное наблюдение за этим человеком; может быть, вы наблюдали такое явление. Вам сообщают, например, что его отношения к вопросам государственного значения таковы-то...

— [Джунковский]: Нет, этого в моих делах не было. Вообще, я, быть может, был один из немногих занимавших такой пост, который не получил даже ни одной записки от Распутина.

— [Председатель]: Поднимается, например, вопрос о роспуске Думы...

— [Джунковский]: Никаких следов этого у меня не было.

— [Председатель]: Не было, чтобы он заранее говорил, что Думу нужно распустить, или допустим, не распускать, а в последующем это осуществлялось?

— [Джунковский]: Этого не было. При мне Думу не распускали.

— [Председатель]: Скажите, вы не знаете, как относился Распутин к вопросу о войне?

— [Джунковский]: Этого я не знаю.

— [Председатель]: Вам не докладывали о том, что он заявлял, что если бы в момент объявления войны он был в Петрограде, то он употребил бы усилия и достиг бы того, что война не была бы объявлена?

— [Джунковский]: Нет, этого не было ни в одном донесении. [370]

Стенографическая запись допроса В. Ф. Джунковского даёт очень ценный материал для понимания особенностей стиля, профессионального подхода, способов и приёмов его работы против Григория Распутина.

На допросе Джунковский, не приводя ни одного конкретного случая, пытается обосновать свою внутреннюю мотивированность, стремится доказать правильность своей идеологической установки в отношении Распутина: он плохой человек, обманщик, опасный для Царствующей Династии. Далее, тема допроса быстро упирается в события у

«Яра» — как единственный заслуживающий внимания результат наблюдения Джунковского, который позволяет уйти от общих фраз о плохом Распутине и начать предметный разговор. Видно, что следователи ЧСК это быстро поняли, поэтому и перевели стрелку на «Яр», чему Джунковский не сопротивлялся, поскольку больше ничего заслуживающего серьёзного внимания он предъявить следователям не мог.

Помимо «Яра», как вынужден констатировать Джунковский, в его ведомстве, которое и ранее занималось наблюдением за Распутиным, никаких фактов и следов хоть какого-либо предосудительного поведения Распутина просто не было. Впрочем, были слухи и записки, на что и упирает Джунковский. Однако, председатель прервал Джунковского, указав на то, что слухи и записки — это «мелочи». Действительно, так. Предъявите по существу — как бы говорит Председатель. Но Джунковскому больше нечего предъявить.

Всё же Джунковский находит факт, доказывающий его влияние на назначение и смещение министров. Джунковский имеет ввиду себя, вернее, своё отстранение от занимаемых должностей товарища министра внутренних дел и начальника Отдельного корпуса жандармов. По поводу его отставки он приводит в пример слова Григория Ефимовича: «10 августа он сказал: «Ну, а ваш Джунковский»... и свистнул. А 16 августа была записка государя о том, что я должен уйти».

Вот он, наконец-то предъявленный Джунковским факт «влияния Распутина на назначение министров»: свистнул, и нет Джунковского. Это действительно факт, только не влияния, а прозорливости Григория Ефимовича, того удивительного свойства, о котором не раз свидетельствовали люди, знавшие старца Григория.

На вопрос председателя по поводу того, была ли у Джунковского копия его доклада («записки») Государю о Распутине, Джунковский отвечает, что копии у него не было: «Я нарочно, когда писал её, не сохранил копии, чтобы она не попала как-нибудь в печать». — И это ложь, поскольку Государыня в письме Государю свидетельствует об обратном, а именно, что Джунковский, не только не уничтожил доклад, но показал свою записку (письменное содержание устного доклада), вопреки данному Государю слову, Вел. князю Дмитрию Павловичу, Вел. князю Павлу Александровичу и его жене, офицерам Преображенского полка.

По поводу служебного расследования флигель-адъютанта Николая Павловича Саблина из воспоминаний Джунковского следует, что Джунковский знал результаты проверки Саблина, но он не рассказал об этих результатах ЧСК, ему не хотелось этого делать. А не рассказал только потому, что собранные Саблиным сведения опровергали линию Джунковского.

Поэтому далее председатель пытается перевести допрос от общих рассуждений, за неимением фактологических зацепок, хотя бы к выводам. В этой связи, один из эпизодов допроса заслуживает особого внимания, поскольку обнажает глубину неприязни Джунковского к Государыне Императрице Александре Феодоровне, а также демонстрирует его попытку оправдать своё постыдное поведение ещё более постыдными обвинениями в её адрес. Приведём весьма откровенную выдержку из показаний Джунковского: «Я думаю, что императрица была настолько ослеплена, настолько у неё всё было заволочено, если можно так выразиться, влиянием Распутина, что она не

сознавала, что делает. И кроме того, у неё была твердая вера, что, если не будет Распутина, наследник умрет. Это была ее *idée fixe*».

Немного дополним Владимира Фёдоровича. У Государыни была не только твёрдая вера, но и твёрдые основания, чтобы питать эту веру. Т.е. вера Государыни в старца Григория не была слепой. Этого Джунковский не желает принимать во внимание, не желает честно исследовать причину отношения Императрицы к Распутину, потому что он не любит Распутина и боится, что это честное расследование будет не в пользу Джунковского, хотя быть объективным в этом вопросе являлось его профессиональной обязанностью и долгом дворянина, человека чести, благородного происхождения. Джунковский не утруждает себя поступать по совести, видимо, это требует слишком большого напряжения душевных сил. Джунковскому оказалось легче следовать своему родовому рефлексу превосходства и надменности, что приводит к подлости и обману. Он оговаривает свою Императрицу, утверждая, что её сознание было «заволочено», или «затемнено», как далее уточняет следователь.

На вопрос председателя: «Каким образом это затемнённое сознание императрицы вяжется с тою настойчивостью вмешательства в государственные дела, какую она обнаруживала в случаях увольнения тех или иных лиц с высших постов, как, например, в вашем случае?», — Джунковский отвечает: «Я думаю, что это объясняется характером Александры Федоровны, — она не допускала никаких препон на своем пути».

Итак, Председатель справедливо выразил сомнение, указав на то, что затемнённое сознание не вяжется с той настойчивостью, и, добавим, умом, которые обнаруживала Государыня при ведении государственных дел. Тем самым, Джунковский был уличён в неправости своих тенденциозных выводов. Джунковскому на очевидные возражения ничего не остаётся, как согласиться и сменить фронт. Теперь он объясняет поведение Императрицы её характером. Но твёрдость характера, проявляющаяся в настойчивости, и «затемнённое» сознание не согласуются между собой.

— [Председатель]: Значит, вы приписываете всё это исключительно характеру и настойчивости Александры Федоровны? Как вы объясняете себе такое исключительное воздействие Распутина на супругу главы верховной власти?

— [Джунковский]: Я объясняю себе это психозом.

Председатель. — На какой почве?

— [Джунковский]: На почве истерии.

Немного выровняв смысл своих показаний в отношении Императрицы, Джунковский, как только произнесено фамилия Распутин, вновь и резко срывается к прежним подлым характеристикам Государыни Александры Феодоровны, мол, у неё нелады с психикой и вообще она истеричка. Джунковский позволяет себе так отзываться о Царице — супруге своего Царя! Это подлый приём, используемый теми, у кого нет прочих аргументов для доказательства своей правоты. Приём состоит в том, что оппонента называют психически больным, невменяемым, поэтому его мнение априори ложно.

— [Председатель]: Скажите, в какие формы выявилось общение этого тёмного, невежественного, развратного человека с царской семьёй?

Председатель по сути спрашивает, чем же вы докажете правоту своих слов о том, что Императрица, в состоянии истерии или нет, совершала трагическую ошибку, общаясь с Распутиным? Ответ Джунковского поразителен.

— [Джунковский]: Я не знаю. Слухов ходило много, но фактов для суждения об этом у меня нет.

«Я не знаю, только слухи, а фактов нет» — вот и весь ответ по существу. Слова Джунковского также являются ответом на вопрос о причине немедленного отстранения Джунковского Государем от занимаемой должности. Такой человек, который совершенно бездоказательно позволял себе публично недостойным и непозволительным образом отзываться о действиях и поступках Императрицы, не мог занимать столь ответственный государственный пост. Как только Государь в этом разобрался, Джунковский был убран.

Показания Джунковского доказывают только одно, что товарищу министра внутренних дел и начальнику Особого корпуса жандармов В. Ф. Джунковскому нечего было предъявить Г. Е. Распутину-Новому в доказательство его пагубного политического влияния. Сообщить что-либо об отношении Распутина к вопросам государственного значения Джунковский также не может, никаких фактов участия Распутина в роспуске Думы у Джунковского нет. Как относился Распутин к вопросу войны Джунковский не знает. Донесениями о попытках Распутина остановить начало войны Джунковский также не располагает. Единственное — Джунковский уверен, что в назначении Тобольского губернатора не обошлось без влияния Распутина, но как это произошло, то ли была Распутиным написана записка, то ли как-то иначе — Джунковский рассказать не может.

Заметим, что следственной комиссией не был поставлен перед Джунковским вопрос о происшествии на пароходе «Товар Пар». Почему? Не потому ли, что абсурдность и неосновательность обвинений Григория Распутина в «плохом» поведении на пароходе были слишком очевидны, а разбирательство в данном случае было слишком унижительно для комиссии и слишком позорно для Джунковского.

Внимательное изучение допросов Джунковского доказывает, что Владимир Фёдорович строил своё отношение к крестьянину Григорию Распутину на недобрых чувствах и злых эмоциях, а не на фактах. Фактическая составляющая предъявляемых в адрес Распутина обвинений была и есть очень зыбкая, эфемерная, если не сказать больше — она отсутствует, что неоднократно вынуждены были констатировать следователи во время допроса. Подобно тому, как это было с его предшественниками, горы усилий, предпринятых Джунковским, не смогли создать внятной доказательной базы виновности Распутина не только в государственных, но и в нравственных преступлениях. Гора родила мышь — вновь. Поэтому итоговый вывод о вздорности, безосновательности и пустоте всей обвинительной затеи Джунковского в отношении Распутина, распространяется и на события в ресторане «Яр», которые Джунковский тенденциозно пытался представить Государю, как доказательство порочности духовного Друга Царской Семьи, но ему это не удалось — Государь не поверил Джунковскому, т. к. его заявления оказались голословными, не имеющими доказательной базы, которая должна была состоять по крайней мере из результатов опроса прямых свидетелей, тех же Соедова, Кугульского, «певичек», Судакова, среди них главного лица, кому не доверять не было никаких оснований — вдовы почётного гражданина, почтенной женщины Анисьи Ивановны Решетниковой; не было и прочих, вещественных, улик, свидетельствующих о пребывании

Распутина с компанией в ресторане, которые могли бы составить фактуру дела, допустим, разбитые предметы сервировки, оплаченные счета, меню заказа, ну хоть что-нибудь. Не говоря уже о первичных донесениях филеров, о которых так нравилось рассказывать Джунковскому, протоколов дежуривших полицейских, составленных по горячим следам, оформленных, как положено с указанием даты и подписью чина — ничего этого не было.

В итоге, товарищ министра внутренних дел и начальник Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский, человек, имевший неограниченную исполнительную власть в рамках своих полномочий, имевший в своём распоряжении специальные полицейские структуры, профессиональный опыт, интеллектуальные и технические возможности сыскного ведомства, не смог предъявить следствию и всему миру что-либо, что действительно доказывало бы порочное, разлагающее, деструктивное влияние Григория Распутина. На поверку — ничего!

Историческая оценка деятельности В. Ф. Джунковского

В. Ф. Джунковский так и не смог внятно объяснить следователям Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства в чём была вредность Григория Распутина. Не сделал этого и бывший его подчинённый полковник Мартынов. Зато Мартынов внятно раскрыл некоторые черты личности своего шефа. Мартынов пишет:

«В.Ф. Джунковский был очень популярен в общественных кругах и всеми силами стремился эту популярность поддерживать. Бывший преображенец, затем адъютант у Великого князя Сергея Александровича по должности московского генерал-губернатора (я помню, как на больших балах у Великого князя гвардии капитан В. Ф. Джунковский с самым серьезным и торжественным видом раздавал гостям котильонные шелковые ленты), затем неожиданно московский вице-губернатор, а затем и губернатор. Связи у него в «сферах» были громадные, и он легко и бестрепетно всходил всё на высшие ступени административной лестницы, закончив свою административную карьеру в должности товарища министра, заведующего полицией и командира Отдельного корпуса жандармов. В 1915 году он «поскользнулся» на одной «апельсиновой корке», ловко прикрыв её для публики своим «антираспутинством», и отправился на фронт, получив бригаду. Не знаю, командовал ли он когда-либо ротой? Вероятно, и бригадой он командовал так же бестрепетно, как и до того управлял самыми различными учреждениями, не понимая по существу их функций и назначения. Это был, в общем, если можно выразиться кратко, но выразительно, круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек.

Генерал Джунковский не любил Корпуса жандармов уже по тому одному, что офицеры этого Корпуса ему, как губернатору, подчинены не были. Независимость он в других не любил». [371]

Через год после событий в ресторане «Яр» между генералом А. И. Спиридовичем, только что назначенным губернатором Ялты, и Вел. князем Дмитрием Павловичем произошёл откровенный разговор, в котором Спиридович попытался раскрыть глаза Вел. князю на личность Джунковского и его роль как политического деятеля. Дмитрий Павлович сам попросил генерала Спиридовича откровенно высказать своё мнение относительно генерала Джунковского: «Только откровенно, правду скажите».

А. И. Спиридович ответил откровенно:

«Я знал, что сестра Джунковского, фрейлина [*Евдокия Фёдоровна Джунковская*], была воспитательницей Великого князя и его сестры Марии Павловны, когда они были детьми, в Москве. Великий князь любил генерала. Вопрос поставил меня в трудное положение. Но я решил быть искренним и сказал следующее: «Генерал Джунковский очень хороший человек и по отношению ко мне всегда был любезен, но как товарищ министра, заведующий полицией, он был никуда не годным и принёс делу много вреда. Во-первых, он прекратил работу политической полиции по освящению войск, т.е. уничтожил агентуру в войсках и флоте. Поэтому правительство не знает, что делают революционеры в войсках, а работа у них идёт, особенно на флоте. Гучков по приказу Джунковского освобождён от негласного наблюдения, которое за ним велось. А он ведёт самую пагубную интригу против Государя. Во-вторых, совершенно не понимая дела политического розыска, не зная революционного движения, Джунковский ликвидировал охранные отделения в провинции и передал агентуру снова в руки губернских жандармских управлений, т.е. вернулся к той старой, отжившей системе политического розыска, которая была изменена умным и опытным министром Плеве, большим знатоком революции и полицейского дела, которого и убили социалисты-революционеры. Сделал это Джунковский, чтобы угодить общественности. Ему пели дифирамбы. Думали, что он ликвидировал розыск совсем, но он не ликвидировал его, а только из опытных, хороших рук передал в неопытные, неграмотные. В-третьих, и это самое главное, Джунковский провалил самого главного информатора, сотрудника департамента полиции большевика Малиновского, который под руководством Белецкого вел подрывную деятельность среди большевиков и доносил информацию о центре большевизма — о Ленине и его окружении.

Это было уже не только ошибкой, не только политическим невежеством, а должностным преступлением. За подобное действие, за раскрытие сотрудничества Евно Азефа с департаментом полиции, Лопухина судили и по суду сослали в Сибирь. Вот, что такое Джунковский — очаровательный светский генерал и вредный для государства высший начальник политической полиции.

Если у нас произойдёт революция, в этом будет большая доля вины Джунковского». [372]

Дальнейшая судьба бывшего царского генерала Джунковского после октябрьского переворота также вызывает ряд вопросов, во всяком случае, первый период прихода к власти большевиков. Вот цитата независимого биографа Джанибекяна, который, следуя в русле традиционного отношения к Распутину, и подчеркивая роль Джунковского, как яростного разоблачителя «проходимца», напротив, пытается сохранить объективность в оценке царского генерала с репутацией человека чести и высокой нравственности. Джанибекян пишет: «В первые годы советской власти, наблюдая за стремительно меняющимися событиями, он спокойно жил вместе с сестрой в Москве, в Большом Ржевском переулке. Никто его не тревожил — чекисты не обыскивали, газеты, разоблачавшие царских сановников, его имени не упоминали. Происходило нечто странное: в то время, когда карали чиновников старого режима, Совнарком, напротив, выплачивал ему, отставному генералу, шефу жандармов пенсию в размере 375 рублей в

месяц. Деньги для того времени, правда, небольшие, но все-таки позволявшие не влечь жалкое существование». [373]

Видимо, у Владимира Фёдоровича были основания считать, что его не тронут, иначе он не был бы столь беспечным, и попытался бы покинуть пределы советской России. Напомним таинственный намёк Гучкова (или обещание?), сделанный Джунковскому после его отстранения от должности товарища министра внутренних дел и начальника Отдельного корпуса жандармов в 1915 г.: «От Гучкова генерал получил тогда письмо, в котором тот, выражая свои сочувствия, прозрачно, указал что, когда придёт момент, то новая Россия не забудет заслуг генерала и т. д. Поблагодарив автора за внимание, генерал ответил ему, что изменником своему Государю он никогда не был и не будет». [374]

Эта ситуация, конечно, не могла продолжаться бесконечно. Гидра революции, пожиравшая сама себя (непрекращающиеся процессы, партийные чистки), могла ли пощадить бывшего царского генерала? Он был привлечен органами ВЧК, его допрашивал знаменитый чекист Петерс, затем суд, вынесение приговора. Но приговор, как вынужден утверждать Джанибемян, со стороны Петерса был великодушным жестом. В то время как «расстреливали и за более мелкие прегрешения, не говоря уже о тех случаях, когда обвиняемые имели какое-то отношение к полиции», бывший начальник Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел, флигель-адъютант Императора Николая II, царский генерал Джунковский получил за свою деятельность «концлагерь до окончания Гражданской войны без права амнистии». [375]

В 1921 году председатель ВЧК Дзержинский предложил Джунковскому составить записку об организации личной охраны Царя. Джунковский предложение принял. Видимо, в обмен на его согласие он получил освобождение. Но это его не спасло. В 1938 году Джунковский вновь был арестован и отправлен в лагерь, откуда уже не вернулся.

Приведём характеристику профессиональной деятельности Джунковского, данную ветераном спецслужб и писателем Борисом Георгиевичем Колоколовым в беседе с автором книги «Загадочные страницы русской истории» Бондаренко Александром Юльевичем:

«Перед ним [Джунковским] стоял выбор: быть то ли на стороне либеральной общественности, стремившейся свергнуть самодержавие и ненавидевшей его охранные органы, то ли на стороне возглавленного им ведомства, ведущего борьбу с «революционной заразой». Владимир Фёдорович избрал «третий путь» — и нашим, и вашим, пытаясь совместить высокие общечеловеческие моральные принципы с агентурно-оперативной деятельностью политического розыска. Попытка эта завершилась тем, что своей дилетантской реформаторской деятельностью Джунковский нанес непоправимый урон вверенному ему ведомству, разоружив его и обескровив в самый канун революционной бури. <...> ... всего лишь за первых полгода пребывания в должности, Джунковский своими «этическими реформами» в сущности дезорганизовал всю работу политического розыска империи, нанеся прежде всего огромный ущерб её главной составляющей — вербовочной работе. <...> Джунковский фактически вывел из-под контроля органов империи учащуюся молодежь и рядовой состав армии, почти полностью состоявший из крестьян и рабочих, тем самым предоставив революционерам всех мастей — в особенности социал-демократам и эсерам — прекрасную возможность

для практически безнаказанной революционной агитации в их среде... Вследствие этого и произошло то, что неминуемо должно было произойти: революционная агитация и пропаганда разложили армию, превратив её из оплота самодержавия в генератор антимонархической революции, вылившейся в военный мятеж запасных полков Петроградского гарнизона в феврале 1917 года. <...> ... судьба генерал-лейтенанта Джунковского имела совершенно неожиданное развитие. В июне 1915 года он представил Николаю II подробный доклад о похождениях «святого старца» Григория Распутина, и именно это привело к отстранению Владимира Федоровича от всех занимаемых постов. В октябре того же года бывший командир Отдельного корпуса жандармов по собственной просьбе отправился на Западный фронт — командиром бригады. Затем, до конца 1917 года, Джунковский командовал 1-м Сибирским армейским корпусом. Выйдя в отставку и поселившись в Москве, Владимир Федорович не только работал над своими мемуарами, но и выступал консультантом при разработке планов знаменитой операции «Трест», которая проводилась чекистами с ноября 1921 по апрель 1927 года. Однако, несмотря на лояльность к новой власти, Джунковский был репрессирован и расстрелян в 1938 году.» [376]

Возвращаясь к событиям в ресторане «Яр», укажем, что действия Джунковского можно квалифицировать как изменнические по отношению к Царю и Царице, т. к. шли в русле усилий, прилагаемых врагами Престола по его ниспровержению. Поэтому нельзя объяснить предпринятую Джунковским акцию исключительно угодливостью, т. е. желанием угодить всё той же прогрессивной «общественности». Неизбежно возникает предположение, что Джунковский был важным звеном системы, которая подразумевает подчинённость личности не только определёнными отношениями светского этикета, как некоему внешнему идентификатору клановой принадлежности, но покорность определённым обязательствам, даже тайными обязательствами, заставляющим личность подчиняться установкам, исходящих от представителей более высоких степеней посвящения в иерархии этой системы. Историк О. А. Платонов, изучив масонские архивы, прямо называет его масоном. Вывод Платонова согласуется со сведениями свободной энциклопедии (со ссылкой на экспертов по истории масонства): «По данным Б. И. Николаевского, [Джунковский] был связан с масонами. По сведениям Н. Н. Берберовой и сам состоял в Ордене» [377]

Если так, то понятно, что Джунковский был вынужден подчиняться высокопоставленным заказчикам. В связи с этим нельзя не отметить, что он входил в круг людей, близких Вел. князю Николаю Николаевичу. Но даже принадлежность к масонству не даёт ответа на вопрос, каковы были его собственные личные мотивы и были ли они? По нашему мнению, несомненно, были и крылись они в сфере нравственной. Именно там следует искать причины слепой ненависти Джунковского, как и Самарина, и Родзянко, и проч. иже с ними к старцу Григорию Распутину-Новому. Именно там следует искать нравственные истоки поведения тех, кто причинял боль Русским Самодержцам и Их Другу, но в ком мир (или общество, общественность) до сих пор склонен видеть страдальцев за правду, отмечая в них благородство и чистоту.

Что же всё-таки двигало Джунковским, что побуждало его начать методичную охоту на простого русского человека. Владимир Фёдорович Джунковский был из дворян Полтавской губернии. Его отец служил при Вел. князе Николае Николаевиче. Сам

Владимир Фёдорович — выпускник Пажеского корпуса, офицер Преображенского полка, был адъютантом московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Не только общался, но был дружен с Великим князем и его супругой Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, исполнял их поручения. Был ли Джунковский масоном или нет, мало, что объясняет. Само по себе звание «масон» не может служить обвинением человеку, но лишь поводом отнестись к нему настороженно и внимательно. Но... по делам их узнаете их. Всё же не формальная принадлежность, а сердце человека является источником побуждений, желаний, стремлений. Сердце направляет волю, рождает усердие к исполнению того или иного побуждения. В чём же был сердечный изъян, порок, приведший к столь глубокому трагичному заблуждению и гибельным последствиям. Судя по всему, только одно — высокомерие, которое, суть — проявление человеческой гордыни. Высокомерие и высокоумие — являются нравственными категориями, противоположными простоте. Простота же есть внутреннее смирение, низкая самооценка, поставление себя последним, неприхотливость и нетребовательность по отношению к своему положению в обществе, жизненному статусу, житейскому успеху. Подлинная простота питает уважение к другому не по ранжиру и званию, но по закону смиренной любви к ближнему, в каком бы облики он не являлся. Таковым был мир русского крестьянства. К таковым принадлежали многие лучшие представители высокородных сословий: дворянства, купечества, аристократии, но, к сожалению, далеко не все. Кастовость — одна из причин падения Царской России. Дух принадлежности к светскому обществу был противоположен духу простонародному. И преодолеть его смогли не многие. К числу тех, кто вопреки своему высокому положению, был прост, кто преодолел стену сословной разобщённости, вышел с открытым сердцем к простому человеку, протянув ему руку дружбы, относятся святые Царственные Страстотерпцы. За ними не на словах, а на деле, последовали не все. Зависть к простому мужику, оказавшемуся по своим, от Бога данным, природным свойствам намного выше многих представителей высших сословий и интеллигентного общества, душила многих, отравляя душу, делая сердце бесчувственным к голосу совести, порождая низменные помыслы, питая постыдные чувства, подталкивая к недостойным поступкам.

Послание апостола Иакова ставит диагноз духовному состоянию людей, подобных Джунковскому:

«Еда ли источник от единого устия источает сладкое и горькое; Еда может, братие моя, смоковница маслины творити, или виноградная лоза смоквы, такожде ни един источник слану и сладку творит воду. Кто премудр и худог в вас, да покажет от добраго жития дела своя в кротости и премудрости. Аще же зависть горьку имате и рвение в сердцах ваших, не хвалитесь, ни лжите на истину. Несть сия премудрость свыше нисходящи, но земна, душевна, бесовска. Идеже бо зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь. А аще свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несуменна и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется творящим мир.

Откуду брани и свары в вас; не отсюду ли, от сластей ваших; воюющих во удах ваших; Желаете, и не имате: убиваете и завидите, и не можете улучшить: сваряетесь и борете, и не имате, зане не просите. Просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете. Прелюбодеи и прелюбодейцы, не вести ли, яко любы мира сего

вражда Богу есть; Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает. Или мните, яко всуе писание глаголет: к зависти желает дух, иже вселится в ны; Большую же дает благодать: темже глаголет: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Послание апостола Иакова. Гл. 3, ст. 11-18; Гл. 4, ст. 1-6).

Отметая все версии...

Напомним слова из песни Владимира Высоцкого: «Я ненавижу сплетни в виде версий...»

Действительно так... есть образ старца Григория, который сформирован его жизнью, благими делами, его богодухновенными брошюрами, его мученической кончиной. Образ старца Григория оваян любовью людей, близко знавших его, проникнут благодарной памятью тех, кому он помог стать на спасительный путь веры, кого примирил со Святой Церковью, с Богом, исцелил от недугов, кого не оставил в житейских нуждах и кого утешил в духовных скорбях. Не следует ли и нам вслед за Святыми Царственными Страстотерпцами: Государем Императором Николаем II, Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, Царевичем Алексеем, Царевнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией смотреть на старца Григория Ефимовича Распутина-Нового чистым оком, так, как взирали на него Анна Александровна Танеева (Вырубова), Мария Евгеньевна Головина и все те, для кого Григорий Ефимович явился символом великой жертвенной любви и сострадания? Не следует ли отмести в сторону лукавые доводы людей, воспринимавших старца Григория через призму грязных наветов, «сплетен в виде версий», как это делал Джунковский и его единомышленники.

Но речь то не о Джунковском, а о старце Григории Ефимовиче Распутине-Новом: «В чём обвиняют — не виновен!»

В чём же обвиняют? В предательстве? Подлости? Малодушии? Измене? Лениности, бездеятельности, чванстве, скупости, немилосердии, жестокости, бессердечности, нечуткости, скряжничестве, безрассудстве, буйстве, насилии, ненависти? Нет, никого не предавал, был верен до смерти, смерти же крестной, мученической, подлости не творил, душою был широк и бесстрашен, Царя, Отечество не предавал, жене и близким не изменял, людей жалел, всех любил, всем доверял, скупостью, скряжничеством и скаредностью не отличался, напротив, всем помогал, деньги раздавал, на храм жертвовал немалые суммы, односельчан от нужды спасал; Богу молился, исцелял, наставлял, Бога любил и учил других Бога любить; был примером великодушия, щедрости, рассудительности; отличался природным умом, смекалкой, жизненным и житейским опытом, сам всё опытно исследовал, верою и любовью всех и вся поверял. Так за что же обвиняли, за что ненавидели, за что гнали? Русского сплясал — на радость и здоровье; песни пел и слушать любил? — признак живой души; с певичками балагурил? — ему не во вред, а им в назидание; обнажился? — полно, да было ли это? На сие мнимое безрассудство со стороны старца Григория веских доказательств не представлено, а «сплетни в виде версий», по словам поэта, мы отметаем. Не всякий и юродивый по смирению своему дерзнёт ступить на высший духовный подвиг, подобно св. Василию Блаженному или блаженному Прокопию Вятскому, Христа ради юродивому. А коли и было — то не ради разврата, но ради срама и обличения, посрамил помыслы, постыдные

дела, да совесть то не проснётся ли? Ты думаешь об этом — так вот ка на, удобно тебе, или стыдно? А коли стыдно, зачем о срамном думаешь и срамным занимаешься? Для спасения души страшно безумство гордых, а для гордых страшно безумство смиренных. Честь ему и хвала, и воздаяние праведное! Буйством старец Григорий не отличался, если только «буйством проповеди», по слову Евангельскому, насильничать не мог, и не умел, и всякому насилию противился. Ненависти не было в нём, но всех и вся покрывал христианской любовью. Сие жизнью своею доказал и смертью утвердил на веки вечные. Не испугался противостать миру сему прелюбодейному и грешному, бросил ему вызов, за Царя стал, за Веру, за Отечество.

Таков был старец Григорий Ефимович Распутин-Новый! Кто повторит?

«Вот только жаль Распятого Христа» — оканчивает свою песню Владимир Высоцкий. Воистину!

Воистину жаль и растерзанного за Христа Божьего старца Григория!

Источники:

355. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 273.

356. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 138.

357. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 146.

358. *Кук Э.* Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Омега, 2007. С. 199-200; со ссылкой на: *Lockhart R. B.* Memoirs of a British Agent. (Putman, 1932), p. 128.

359. *Пулькин М.В.* Становые приставы в XIX–XX вв.: специфика деятельности (по материалам Олонецкой губернии) // Политика, государство и право. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/08/921>

360. *Тарасов И.Т.* Полиция России. История, законы, реформы. М: Книжный мир, 2011

361 Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с записью высказываний Г. Е. Распутина-Нового (1907-1916 гг.; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 309.

362. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 165-166.

363. Там же.

364. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 145.

365. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 259.

366. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 263-264.

367. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 274-275.

368. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с записью высказываний Г. Е. Распутина-Нового (1907-1916 гг.; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 309.

369. *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания. М-С-Пб: ROSTIK INTERNATIONAL, 1993. С. 393-396.

370. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. / ред. П. Е. Щеголев — Л.: Государственное издательство, 1926. — Т. 5. XLVIII. Допрос В. Ф. Джунковского. 7 июня 1917 года.

371. *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. В кн: Охранка": Воспоминания руководителей охранных отделений Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. Т. 1. - М.: Новое литературное обозрение, 2004.

372. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 344-345.

373. *Джанибекия В. Г.* Провокаторы и охранка. М: Вече, 2005. С. 307-308.

374. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org // Книга I, С. 181.

375. *Джанибекия В. Г.* Провокаторы и охранка. М: Вече, 2005. С. 310.

376. *Бондаренко А.Ю.* «Загадочные страницы русской истории». М: Издательский дом: Кучково поле, 2008 / глава «Дилетант в голубом мундире, или «третий путь» генерала Джунковского».

377. Джунковский, Владимир Фёдорович. Материал из Википедии — свободной энциклопедии.